

Сергей Бирюков
д.полит.н., профессор кафедры политических наук КемГУ
Александр Давыдов
аспирант кафедры политических наук КемГУ

«БОСНИЙСКИЙ» ПРОЕКТ: РОЖДЕНИЕ НАЦИИ ИЗ ДУХА ВОЙНЫ

Аннотация

В статье рассмотрены содержание и сущность «боснийского» проекта, который связан с определенными технологиями «политизации этничности». Анализируется конфликтогенный потенциал проекта и используемых для его реализации стратегий. Автор показывает, что в результате комбинирования этнического и религиозного факторов возможно формирование идеологий и доктрин, обосновывающих создание этнократических государств.

Ключевые слова: «боснийский проект», регион Балкан, политизация этничности, этнократия, этнополитические технологии.

Современные вызовы этнического

Национальный вопрос – сложная и внутренне противоречивая область социальных отношений, которая не допускает унифицированного и конъюнктурного подхода. Как результат, этнополитика не предлагает универсальных политических решений, являющихся действенными и результативными независимо от условий места и времени, а также вне опыта конкретных народов и стран.

В современном мире процессы глобализации, масштабной трансграничной миграции развивающихся межкультурных обменов в контексте «взрывообразного» развития массовых коммуни-

каций заметно усложнили ситуацию в сфере межнациональных отношений, создав качественно новые «вызовы» для действующих политиков и реализуемых ими политических стратегий. Продолжающаяся сегодня «экспансия этнического», связанная с самоутверждением этнических общностей в различных областях жизни, все чаще ставит под сомнение устоявшиеся формы политики и типы политического порядка.

Сегодня можно говорить об общем кризисе этнополитики, поскольку прежние ее механизмы не действуют, новые не созданы, а консенсус по базовым этнополитическим проблемам отсутствует. Это в известной мере осложняет процесс выбора итоговой модели государственного строительства, вызывая напряжение в сфере межэтнических отношений. Наряду с этим, многими экспертами сегодня признается, что использование принципов мультикультурализма в постсоциалистических обществах не способствует ни национальной интеграции, ни уменьшению существующих региональных и этнических диспаритетов.¹⁾

Главная же «европейская проблема», по мнению многих авторов, заключается в том, что фактически потерпел официально признанное крушение мультикультурализм, долгое время рассматривавшийся в качестве единственной «легитимной» стратегии структурирования современных обществ. Понятие «мультикультурного гражданства», предложенное М. Кимличкой и предполагающее признание и поддержку меньшинств со стороны государства во всех сферах деятельности,²⁾ отныне поставлено под сомнение.

Одновременно с этим продемонстрировали свою несостоятельность политические стратегии, призванные «обслуживать» сам мультикультуралистский проект – в частности, стратегия консоциализма (консоциальной демократии)³⁾ и модель так называемого «разделения ответственности» (Power-sharing),⁴⁾ предполагающих включение представителей меньшинств в систему принятия политических (правительственных) решений с целью достижения

1) Kuzio T. Western Multicultural Theory and Practice and its Applicability to the Post-Soviet States // Journal of Contemporary European Studies. – 2005. -N 13(2). – P. 222. Kymlicka M. Multicultural Citizenship. – Oxford: Oxford University Press, 1995. – P. 1.

2) A. Democracy in Plural Societies. – New Heaven and London, 1977.

3) Schnekenner U. Making Power-Sharing work: Lessons from successes and failures in ethnic conflict regulation. Journal of Peace Research. – 2002. -N 39(2). – P. 203–28.

4) Lijphart A. The Politics of Accomodation Pluralism and Democracy in the Netherlands. – Berkeley, 1975; Lijphart

и большей лояльности и ответственности. На взгляд авторов, все перечисленные модели нуждаются в критическом переосмыслении в контексте проблематики «многосоставных» обществ.

Авторы статьи исходят из того, что фактор этничности неразрывно связан с экзистенциальной потребностью людей в культурно-групповой самоидентификации, которая может удовлетворяться в различных социальных, политических и идеологических формах. Она может реализовываться за счет принадлежности к многонациональной

империи, национальному государству, национально-территориальной автономии либо суперэтнической общности. Смена этнической идентичности и лежащей в ее основе этнокультурной доминанты возможно в результате системного кризиса современных государств, охватывающего их политическую, экономическую и идеологическую системы. Последний, нередко сопровождаемый масштабными социально-политическими потрясениями, может породить ситуацию «надлома» национального самосознания, когда на место традиционной этнической идентичности приходит искусственно созданная этнополитическая идентичность, поддерживаемая национальными элитами с помощью «техники политических мифов»(Э. Кассирер)⁵⁾.

Последнее оставляет широкий простор для использования манипулятивных технологий, эксплуатирующих эффект «политизации этничности». В результате разрыв между этнополитическими реалиями и утвердившимися представлениями о гомогенной «культурной нации» порождает многочисленные необоснованные претензии, попытки осуществления этноцида и передела границ, а также легитимирует насилие в качестве политического средства, используемого для достижения этнического самоопределения и для закрепления образа «этнического врага». Это, в свою очередь, создает широкие возможности для использования так называемых деструктивных этнополитических технологий, среди которых -разобшение этносов и разжигание межнациональной розни, технологии разрушения национальных идеалов и иллюзий, психологическое и информационное давление, создание отрицательных стереотипов, выдвижение несправедливых обвинений и пропаганда «коллективной вины». Современная этнополитика пока не выработала эффективных технологий противодействия последним,

5) Кассирер Э. Техника политических мифов // Октябрь. – 1993. – № 7.

что делает особенно актуальным рассмотрение конкретных случаев применения подобных технологий в процессе нациестроительства.

Югославия на геополитическом «перекрестке»

Современный мир в последнее время не раз наблюдал процессы драматического глубокого кризиса и даже распада многонациональных и поликонфессиональных государств, долгое время выполнявших либо призванных выполнять функцию геополитического стабилизатора в своих «мировых регионах». Судьбы пережившего масштабную гражданскую войну Ливана, подвергшихся вторжение «извне» Ирака и Афганистана, а равно и современной Сирии заставляют нас осмыслить всю глубину актуализировавшихся сегодня геополитических и цивилизационных «разломов».

Трагическая судьба Югославии -несуществующего ныне югославянского государства – требует своего осмысления в контексте тех перемен, которые происходили в мире на рубеже XX и XXI веков.

Распад «Большой Югославии» стал кривым зеркалом процесса европейской интеграции через регионализацию,⁶⁾ при которой обособление регионов означает не формирование общеевропейского культурно-цивилизационного пространства, но в значительной степени активизацию родоплеменной архаики и возникновение многочисленных очагов межнациональных конфликтов. Сетевые структуры, вместо утверждения «гражданских сообществ», в случае Косово привели к складыванию уродливых криминальных симбиозов и укладов с перспективой втягивания в него соседних регионов (ныне независимые Черногория и Македония). В итоге на территории Южной Европы может сформироваться сегмент того, что российский исследователь А. И. Неклесса обобщенно называет «Глубоким Югом».⁷⁾ Подобное различие в культурных стереотипах и геополитических ориентациях в итоге привело к расколу, который стимулировал распад Королевства Югославия накануне Второй мировой войны. Этот раскол был «заморожен» в период мягкого авторитарного режима «еврокоммуниста» И. Броз

6) Glotz P. Der Irrweg des Nationalstaats: europäische Reden an ein deutsches Publikum. – Stuttgart: Deutsche Verlags Anstalt, 1990. – S. 89-125.

7) Неклесса А. И. Новый Север и Глубокий Юг.– М.: Гуманитарий, 2004.

Тито, а затем снова проявил себя в полной мере, приведя к развалу СФРЮ в 1990-е году. И неудивительно: история практически не знает примеров долговременного и равноправного сосуществования примерно равновеликих православных, католических и мусульманских общностей в рамках единого государства. В условиях роста этнического самосознания и обозначившегося «столкновения цивилизаций» (С. Хантингтон) 1990-х годов слабо интегрированное югославянское государственное образование (фактическая конфедерация при формальном федерализме) было обречено на распад. Претензии сербов и в меньшей степени черногорцев, считавших себя наследниками державно-византийской традиции, на лидерство в стране неизбежно сталкивались с амбициями хорватов и словенцев, подсознательно ощущавших свое культурное превосходство в силу принадлежности к европейской (и прежде всего -германской) культуре. Довершало картину стремление боснийцев реализовать свой особый «исламский путь» и интегрироваться в «мировую исламскую общность» («Исламская декларация» Алии Изетбеговича 1970 года).⁸⁾ В итоге гражданская война 1990-х годов в Югославии, по версии исследовательницы М. Кальдор, явила человечеству новый тип войны, которая, «в противоположность геополитическим и идеологическим мотивам прежних вооруженных конфликтов, имела в качестве своей цели политику идентичности».⁹⁾

Потенциал этноконфессионального конфликта в Югославии в основном реализовался в рамках кровопролитной гражданской войны 1990-х годов и конфликта внутри и вокруг Косово, завершившегося сепарацией последнего в 2008 году. Однако его «остатки» имеют достаточно мощный дестабилизирующий потенциал -можно вспомнить напряженную ситуацию в сербском крае Санджак (на 40% населенном славянами и мусульманами), а также активность албанских структур в Южной Сербии и Македонии, уже не раз приводившая к кровопролитным столкновениям. С учетом трагической ситуации в Косово и умело провоцируемого извне сербско-албанского противостояния в Южной Сербии положение весьма драматично.

8) Izetbegovic A. Islamska Deklaracija. – Sarajevo, 1990.

9) Kaldor M. Neue und alte Kriege. Organisierte Gewalt im Zeitalter der Globalisierung. -Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2000. -S.15.

Второй «узел» -конфликт между национальными традициями и европейской идентичностью сербов и других народов Югославии. Специфика сербской культуры и идентичности (с их традициями коллективизма, державности, воинским духом и потенциалом мобилизации в критических ситуациях) ощущается всяким, кто хотя бы немного знаком с этой страной и ее народом. Вместе с тем сербы, как и другие югославы, -возможно, наиболее вестернизированные среди православных славянских народов и, естественно, вполне восприимчивы к ценностям демократии, рыночной экономики и открытого общества. Такая прозападная ориентация укреплялась в правление Тито, который, умело лавируя между двумя военными блоками (НАТО и ОВД) и поддерживая умеренную открытость страны, сформировал у многих югославов иллюзию относительной благорасположенности к ним Запада. Сам же Запад, стремясь отработать на СФРЮ модель мягкого «вывода» социалистической Югославии из-под советского влияния и делая из нее «витрину рыночного социализма», обеспечивал огромные финансовые вливания и прощал просрочку выплат по долгам. Откровенно дискриминационная по отношению к Сербии позиция Запада в период «балканских войн» последнего десятилетия разочаровала многих сербов в «западных ценностях», но все же не подорвала окончательно ориентацию на Запад молодежи и значительной части людей среднего возраста. В то же время приверженцы вестернизации и открытости не учитывают явно изменившейся со времен Тито геополитической обстановки, и не задумываются о невозможности воспроизвести обильно лившийся при Тито «кредитный дождь»(без чего европейский уровень жизни был просто недостижим). В итоге же сегодня сербский народ оказался расколотым на «западников»(экс-президент Сербии Б. Тадич) и сторонников особого «сербского пути», борьба между которыми во многом определяет современные колебания сербской политики.

Со вторым тесно связан и третий югославский «узел»-конфликт между идеологиями. В данном случае речь, прежде всего, идет о конфликте между сербским национализмом, «югославянским патриотизмом», либерально-демократическими идеями и той или иной версией социалистическо-коммунистической идеологии. Последняя, прочно завязанная на «старый югославский патриотизм», явно изживала себя уже в последние годы титовского правления, и сегодня сербские (югославянские) «левые» марксистского толка

могут рассчитывать лишь на 1-2% голосов избирателей. Сложнее с «сербским социализмом»-исповедующая его Социалистическая народная партия Сербии (лидером которой долгое время был С. Милошевич) давно опирается уже не столько на левую, сколько на умеренно-националистическую идеологию. Общая «югославянская идеология», связанная с воспоминанием об общих корнях, истории, совместной борьбе народов страны с фашизмом, оказалась сегодня дискредитированной из-за связи с коммунистическим официозом, а также из-за наследия межнациональной гражданской войны 1990-х годов. После же гражданской войны и резкого подъема национализма в республиках бывшей СФРЮ возрождение единого югославянского государства либо невозможно, либо отложено на многие годы. Либерально-демократическая идеология в Сербии в силу национальных особенностей также смешана с сербским национализмом и культом монархии Карагеоргиевичей. Такой конъюнктурный синтез позволил Воиславу Коштунице (впоследствии перешедшему на «национал-патриотические» позиции) победить на президентских выборах 2000-м году.¹⁰⁾ Вместе с тем «прозападная» ориентация с масштабными уступками за счет национальных интересов неизбежно вела к дискредитации «либерально-патриотической» идеологии, подтверждением чего стала политическая судьба другого представителя сербских демократов экс-президента Б. Тадича. В итоге ни одно из крупных идеологических течений пока не может стать ведущей и направляющей силой кризисного сербского общества. А это означает, что и политический, и экономический кризисы в стране будут углубляться.

Четвертый «узел» -геополитические противоречия и амбиции основных игроков на Балканах, сделавшие неизбежным распад СФРЮ и поставившие на грань развала ее наследницу -СРЮ. Нужно помнить, что одна из главных причин югославской трагедии отсутствие места для Югославии в рамках нового формата международных отношений. Так крушение мирового социалистического лагеря сделало ненужным югославский противовес и альтернативу СССР (титовский и посттитовский режимы имели поддержку Запада и процветали, пока была востребована эта альтернатива). Объединение Германии в 1990 году вдохновило ее на новую попытку реализовать проект «Цен-

10) Коштуница В. Сербь и Запад // <http://www.pravoslavie.ru/analit/sobytia/kostunicaserbswest.htm>.

тральная Европа» то есть создать конгломерат небольших стран Центральной и Восточной Европы (Хорватия, Словения, Венгрия, Чехия и др.) под своей эгидой.¹¹⁾ Особую роль в трагической судьбе Югославии сыграл и «американский фактор». США, которым с начала 1990-х годов было все труднее оправдывать свое присутствие в Западной Европе и, особенно, в Германии, объективно нуждались в частичном переносе своего присутствия на юг континента, что требовало «дополнительного обоснования». Распад СССР и резкое сокращение геополитической мощи России открывали США путь к углеводородным ресурсам Закавказья и Центральной Азии - для чего опять же был весьма полезен «балканский плацдарм». Вполне естественно, что сильная и единая Югославия ведущим «геополитическим игрокам» Запада в этих условиях была не нужна. Кроме того, образовавшийся после распада СССР и «восточного блока» геополитический вакуум создал возможности для усиления давления католицизма (вспомним роль Ватикана в поддержке хорватского и словенского сепаратизма, во многом предопределившую распад СФРЮ) и экспансии на Балканы ислама с созданием «опорных баз» (Босния, Косово далее, возможно, Македония, сербский Санджак и Черногория). Наконец, расчленения Югославии (и прежней, и новой) требовали и амбиции глобального финансового капитала - ведь очевидно, что осуществлять «асфальтирование» (С.Ю. Глазьев) и экономические манипуляции гораздо проще и удобнее, имея перед собой небольшую и ослабленную страну.

Однако ликвидация прежней «большой» Югославии не могла удовлетворить «аппетиты» задействованных на Балканах сил. Пока сохранялась последняя форма югославянского единства (объединение Сербии и Черногории в СРЮ), пока не был окончательно демонтирован экономический, политический, военный и идеологический потенциал Сербии как возможного объединителя югославян - действие разрушительных технологий не могло быть остановлено. Не остановлено оно и сегодня, когда после отделения от Сербии в 2008 году бывшего автономного края «Косово» все яснее видятся контуры другого масштабного геополитического проекта - «Великой Албании», призванного включить в себя, помимо Республики Албания, все населенные этническими албанцами территории сопредельных балканских государств.

11) Naumann F. Mitteleuropa. – Berlin, 1915. – S. 3-8.

В рамках описанного выше контекста по-новому выглядит так называемый «боснийский феномен», означавший использование этноконфликтных технологий и политических симулякров с целью создания ранее не существовавшей «боснийской нации».

Алия Изетбегович: программа создания «боснийской нации»

Основные постулаты, положенные в основу «боснийского проекта», мы можем увидеть в эпохальном историческом документе «Исламская декларация» под авторством Алии Изетбегович, ставшего в итоге первым президентом независимой Боснии и Герцеговины. Этот документ представляет собой характерный пример мусульманской мысли, выраженной европейским интеллектуалом (Изетбегович в молодые годы штудировал Труды Канта, Бергсона и Шпенглера). Здесь, в отличие от типичных мусульманских идеологических документов, мы видим не абстрактные рассуждения и постоянную отсылку к Корану и хадисам, а замечательный пример рационального мышления, поставленного на службу апологетике исламизма как направления политической мысли. Документ содержит в себе характеристику состояния исламской уммы и исламской религии в современном автору («Исламская декларация» написана в 1970 году) мире. Это состояние характеризуется как «плачевное», и наряду с этим, предлагаются выходы из кризиса ислама и пути достижения доминирования мусульманской «уммы» в Евразии и мире.

Изетбегович исходит из принципа превосходства Ислама над любыми другими группами идей и социальными силами, при этом он прогнозирует рост активности мусульман в среднесрочной и долгосрочной перспективах.¹²⁾ Границы будущего «Исламского государства», а точнее, уммы (всемироной мусульманской общины), Изетбегович определяет в пределах «от Марокко до Индонезии».

При этом будущий лидер независимой Боснии критически относится к националистическому концепту, воспринятому «исламскими народами». В качестве крайне «негативного» примера для мусульман он рассматривает Турцию Ататюрка, что отличает его подход от многих мусульманских геополитических концепций: «Турция как исламское государство владела миром. Турция как плагиат европейской государственности представляет

12) Izetbegovic A. Islamska Deklaracija. -Sarajevo, 1990. -P. 2.

собой третьеразрядную страну, которых больше сотни на Земле». ¹³⁾ Примирить исламский универсализм и боснийский национализм представлялось достаточно сложным. Однако Алие Изетбеговичу удалось это сделать при помощи достаточно изощренной политической аргументации.

С падением югославской федерации основанная на этническом принципе политическая структура очевидно трансформировалась не в пользу плюралистической партийной демократии. Элитные группы скорее запустили процесс политизации этничности, который в итоге освободился от всякого публичного контроля и послужил идеологическим подкреплением многолетней гражданской войны. Показательно, что на фоне сербского и хорватского национализмов этничность боснийских мусульман рассматривалась как основанная исключительно на принципе религиозной принадлежности. Бывший боснийский президент Алиа Изетбегович, продвигая свою концепцию «мусульманской нации», тем самым способствовал конфессионализации понятия этничности. Благодаря этому из публичного дискурса практически изначально была исключена модель религиозно нейтральной боснийской нации, что не могло не вылиться в межэтническое противостояние. Таким образом, обосновывалась идея единства боснийских мусульман, которую многолетний сторонник Изетбеговича, впоследствии разошедшийся с ним Адиль Зулфикарпашич охарактеризовал следующим образом: «В своей статье Алиа Изетбегович в качестве главных лозунгов определил создание мусульманского государства и строгое соблюдение норм шариата, что было абсолютно невозможно в такой многонациональной, мультикультурной и мультиконфессиональной стране, как Босния». ¹⁴⁾

Краткий экскурс в историю Боснии позволил А. Зулфикарпашичу утверждать, что в Османской Империи, в состав которой Босния и Герцеговина входила с 1360 по 1878 годы, религиозные меньшинства – если использовать это понятие в современном смысле – обладали культурной автономией и не были подчинены нормам шариата. Действительно, согласно системе миллиета, немусульмане являлись гражданами империи, но не имели прав, которые имели мусульмане, и платили более высокие налоги, чем

13) Izetbegovic A. Ibid. P. 3.

14) Djilas M., Gaće N. Adil Zulfikarpašić: eine politische Biographie aus dem heutigen Bosnien. – Muenchen, 1996. -S. 195.

мусульмане.¹⁵⁾ Последнее фактически превращало немусульман в «граждан второго сорта», живущих в этнически стратифицированном обществе. Однако можно ли было переносить этот проект, пусть даже с некоторыми модификациями, на посткоммунистическую Боснию?

Заявив в свое время, что «только сосуществование между мусульманской верой и немусульманскими общественными и политическими институтами способно обеспечить мир»,¹⁶⁾ Изетбегович требовал введения в боснийском обществе формы ислама, которая никогда ранее не существовала в Боснии и Герцеговине. Исламизация Боснии по модели Изетбеговича результатом влияния таких мусульманских государств, как Ливия и Саудовская Аравия, которое активно осуществлялось начиная с 1970-х годов.

Суть «боснийского проекта» Изетбеговича стала окончательно ясна после обнародования им модели «исламского порядка», где необходимость введения в Боснии республиканской системы аргументировалась ссылками из Корана. Попытка найти в таких средневековых источниках, как Коран, «аспекты республиканского строя» и «способы избрания главы государства в особенности»¹⁷⁾ выглядит, с научной точки зрения, крайне сомнительным предприятием. Пытаться понять современные общества с помощью средневековых текстов – это определенно не только методологическая проблема. Однако именно сегодня этот подход пытаются реализовать такие видные мусульманские ученые, как египтянин Абу Зайд.¹⁸⁾ Однако, как показывает практика, и в самих источниках ислама, о которых ведут свои споры представители различных школ мусульманского права, не устанавливается никакая определенная модель политической системы. По этой причине среди современных мусульманских государств, в которых законодательство основывается на нормах шариата, можно найти и абсолютные монархии, подобные Саудовской Аравии, и «социалистические народные демократии» (подобные бывшей Ливийской Джама-

15) Turnbull S. The Ottoman Empire 1326—1699, Essential histories, vol. 62, 2003.

16) Izetbegović A. Die Islamische Ordnung. Aus dem politischen Programm des bosnischen Präsidenten. – Berlin, 1993. – S.8.

17) Izetbegović A. Die Islamische Ordnung. – S.15. ¹⁸⁾ Nasr Hamid Abu Zaid: Islam und Politik. Kritik des religiösen Diskurses. – Darmstadt, 1996. – S. 191-213.

18) Кара-Мурза С. Крах утопии // Завтра. – 1999. – 27 апреля.

хирии), и президентские демократии западного образца (Республика Иран).

Изетбегович: технологии разжигания межэтнической войны

Исходя из всего вышесказанного, говорить о «мультикультурализме» боснийских мусульман, представляемых Алией Изетбеговичем, - значит откровенно искажать всю картину событий.¹⁹⁾

Подобную позицию, связанную с традиционным исламом, представляли скорее сам Адиль Зулфикарпашич, выходец из знатной семьи боснийских мусульман, проживавший тогда в Швейцарии, и Мухаммед Филиппович. Последние в июне 1991 года встретились с лидерами боснийских сербов Радованом Караджичем, Николой Колиевичем и Момчило Краишником и достигли договоренности о сохранении Боснии и Герцеговины в составе Югославии на условиях ее суверенитета и неделимости.

Зулфикарпашич вышел из Партии демократического действия, руководимой Изетбеговичем, и вместе с Филипповичем создал Мусульманскую бошняцкую организацию за два месяца до выборов 1990 года. Именно она, наряду с Союзом реформистских сил Анте Марковича, а не партия Изетбеговича, считалась представительницей умеренного направления, нацеленной на сохранение межэтнического равновесия в Боснии и Герцеговине. Как заявил впоследствии арестованный ныне лидер боснийских сербов Радован Караджич: «Если бы мусульман возглавлял кто-то другой, например Адиль Зулфикарпашич, Фикрет Абдич или Диздаревичи, да даже Алиа Изетбегович без давления «младомусульманской группы заговорщиков», как их называл Зулфикарпашич, верю, что все Балканы сегодня выглядели бы иначе и были бы далеки от этой беды. Конечно, если бы это допустил последний американский посол в СФРЮ Уоррен Циммерман и те силы, которым была нужна эта война».²⁰⁾

Заявленная Изетбеговичем концепция «исламского порядка» для Боснии означала неизбежность этнополитических конфликтов. Ибо провозгласить подобные идеалы при том соотношении этноконфессиональных групп, которое существовало в Боснии и Герцеговине на 1990 год, означало сознательное инициирова-

19) Мьяло К. Россия в последних войнах XX века. – С. 245.

20) <http://www.srpska.ru/article.php?nid=13218>.

ние конфликта. Однако именно немусульмане составляли большинство населения республики Босния и Герцеговина в составе СФРЮ (31,4 % -сербы, 17, 3 % -хорваты), что в совокупности превосходило долю мусульман – 43,7 %. При этом общегославская идентичность была выражена крайне слабо (югославами в Боснии считали себя лишь 5% населения). Одновременно, при довольно высоком распространении межнациональных браков (1/4 от общего числа), наименее склонными к их заключению были именно мусульмане.²¹⁾

По мнению К. Мяло, «политический ислам» в версии А. Изетбеговича – своего рода симулякр, нежели форма традиционного ислама, который мы хорошо принимаем исходя из российских условий. Помимо этого, деятельность Изетбеговича на религиозно-политическом поприще может рассматриваться из проявлений специфического явления конца XX века – моджахедзма, которое окончательно сложилось и оформилось за годы пребывания контингента советских войск в Афганистане. Моджахедизм, по версии К. Мяло, представляет собой разновидность союза упрощенного и политизированного «квазифундаментализма» ислама, выступающего в союзе с немусульманскими державами. В этом союзе моджахеды представляют собой силовой и морально-психологический ресурс ислама, поставленный на службу глобальным целям, сформулированным за его пределами.²²⁾

Несмотря на стремительно обостряющуюся обстановку в республике, Алия Изетбегович отказался от участия в состоявшейся 12 августа 1991 года в Белграде встрече высших представителей Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговины, на которой была принята Инициатива по мирному и демократическому решению югославского кризиса. И уже к октябрю 1991 года стало ясно, что руководство возглавлявшейся Изетбеговичем Партии демократического действия и Скупщины Боснии и Герцеговины держит курс на сепессию.

В итоге стремление Изетбеговича и его соратников к независимости вылилось в официальное обращение в международные инстанции с просьбой о признании независимости Боснии и Герцеговины, последовавшей в конце декабря 1991 года. Это намерение было окончательно закреплено с помощью республиканско-

21) Мяло К. Россия в последних войнах XX века. – С. 245.

22) Указ. соч. – С. 247.

го референдума о независимости, который состоялся 29 февраля 1992 года. Сербы бойкотировали референдум, а хорваты приняли в нем участие, рассматривая сецессию БиГ в качестве необходимой предпосылки для создания собственного независимого государства «ГерцегБосна». В этой ситуации о единой Боснии и Герцеговине фактически не могло идти речи, и размежевание трех общин по этническому принципу оставалось единственным способом избежать войны.

Скороспешное признание расколотого и реально не функционирующего государства Босния и Герцеговина рядом европейских держав и Турцией создало предпосылки для перехода противостояния в насильственную форму. Последний шанс на мирное урегулирование в БиГ был связан с так называемым «Планом урегулирования» португальского дипломата Жозе Кутильеро, который был подписан сторонами 18 марта 1992 года после долгих согласований. «План Кутильеро» предполагал создание единого государства Босния и Герцеговина из трех конституционных образований, созданных по национальному принципу. Речь, таким образом, шла о кантонизации по швейцарскому образцу, и при таком решении вопроса за пределами национальных кантонов оставалось бы 12-15 % населения республики, что было заметно ниже критического конфликтного порога». Оставалось лишь разграничить компетенции между общими институтами и органами единиц под патронажем ЕС, что представлялось в целом решаемой задачей.

План был сорван вследствие резкого изменения позиции официального Сараево. Изетбегович, давший в Лиссабоне публичное согласие на реализацию «плана Кутильеро», по возвращении в боснийскую столицу дезавуировал свою подпись. В результате в апреле 1992 года началась милитаризация сторон, и вооруженный конфликт в Боснии стал неизбежным. В результате казавшийся очевидно утопическим проект создания «боснийской нации» смог реализоваться единственно возможным путем – через межэтническую войну, поляризацию и итоговый раскол. То, что выпестованная им независимая Босния и Герцеговина оказалась маложизнеспособным государством, не смутило Изетбеговича и его политических сторонников.

А сам Алия Изетбегович действительно заслужил право считаться «политическим гроссмейстером», построившим босний-

скую нацию с помощью конфронтационных технологий. Но существует ли историческая перспектива у его версии «боснийского проекта»?

Босния – камо грядеши?

Проблема выбора и опыт исторических аналогий

Будет ли этничность боснийских мусульман и в будущем определяться через их религиозную принадлежность, покажет лишь время. Однако подобный подход ни в коем случае не является желательным с точки зрения мирного сосуществования различных этнических групп. В интересах самого боснийского государства, чтобы вопрос о религиозной либо этнической принадлежности решался гражданами индивидуально на принципах свободного выбора. Последнее позволило бы утвердить на политическом уровне понятие надконфессиональной и этнически нейтральной боснийской нации. Главным же препятствием для этого является современная конституция Боснии и Герцеговины, принятая в 1995 году и основанная на принципах, закрепленных в Дейтонских соглашениях. Дейтонские соглашения, опираясь на политические гарантии международного сообщества, установили в Боснии и Герцеговине политическую систему, основанную на межэтнических пропорциях времен титовской Югославии. Отождествление этнической идентичности и национальной принадлежности вплоть до сегодняшнего дня неизменно приводило к распределению публичных должностей в системе государственного управления между основными этническими группами и итоговому росту межэтнической враждебности. Как результат, современная Босния и Герцеговина является конгломератом двух автономных административных единиц Федерации Боснии и Герцеговины и Республики Сербской, а также из округа Брчко, который не принадлежит обеим. Коллективный глава государства — Президиум Боснии и Герцеговины, состоящий из трёх членов государствообразующих народов. Срок полномочий президиума — 4 года. В компетенции находятся — вопросы внешней политики, назначение послов и других международных представителей от страны, представление Парламенту предложений по бюджету и другое. Подобное устройство, внешне напоминающее государственное устройство Швейцарской Конфедерации, в действительности является куда менее функциональным, нежели его швейцарский «аналог». Ибо процесс принятия

политических решений является заложником весьма сложного и подвижного межэтнического баланса, достигаемого под международным наблюдением. Последнее позволяет провести вполне определенные исторические аналогии.

С точки зрения анализа перспектив боснийского государственно-политического феномена, известного внимания заслуживают попытки модернизационных реформ в Османской Империи в так называемый «период Танзимата» (1839-1876). В узком престоле, а в широком – реализованные на их основе политические реформы. Последние могут быть сопоставлены с современными трансформационными процессами. Ключевым моментом этих реформаторских устремлений стала конституционная реформа, в соответствии с которой все подданные Империи – независимо от их национальной, языковой и религиозной принадлежности – объявлялись равными перед законом. Вместе с концом привилегированного положения мусульман стала реализовываться автономия для немусульманских религиозных меньшинств в социальной и культурной областях. Последнее, начиная с 1774 года, давало право европейским державам вмешиваться во внутренние дела Османской Империи.

Как следствие, Великобритания и Франция последовательно усиливали свое давление на слабеющий султанский режим. Именно эти европейские державы повлияли на принятие в 1867 года закона, вводившего новую систему территориального управления в Османской Империи. В соответствии с этим законом, все провинциальные советы в 28 вилайетах, равно как и исполнительные советы в 193 санджаках, должны были формироваться на паритетной основе из мусульман и немусульман. Немецкий историк Андреас Биркен определил политические последствия этого нововведения следующим образом: «Вместе с деятельностью движений за национальную независимость он (закон – прим.авт.) в течение всего XIX века вел к отделению от Империи одних вассальных государств и провинций, и к автономному статусу – других».²³⁾

Устоит ли хрупкая политическая конструкция современной Боснии и Герцеговины в условиях глобальной политической турбулентности, сказать достаточно сложно. В то же время пример Османской Империи и очевидно неудавшихся модернизационных

23) Дулина Н.А. Танзимат и Мустафа Решид-паша.-М.: Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1984. Birken A. Die Provinzen des Osmanischen Reiches. – Wiesbaden, 1976. – S.20.

реформ (как в период Танзимата, окончанием которого стало установление деспотического режима «зулум»), так и в период правления младотурков, которые не смогли спасти Империю от распада и «отметились» в истории геноцидом армян 1915 года), вкупе с общим несовершенством государственного устройства, является поучительным в том числе и для современной Боснии и Герцеговины. «Боснийский проект» Алии Изетбеговича через 10 лет после его смерти очевидно заходит в тупик – ибо «политизация этничности», основанная на идее этнической вражды, исчерпала себя, а других механизмов строительства боснийской нации пока не предложено. Бошняки не могут отказаться от Боснии и Герцеговины как от «своего» национального государства. Однако, будучи не в силах добиться его моноэтничности, вынуждены терпеть его специфическое устройство – которое, скорее, напоминает не «со-общественную демократию» по А. Лийпхарту,²⁴⁾²⁵⁾ но полиархию как совокупность «групп вето» по Р. А. Далю. Все это делает боснийское государство малофункциональным и затрудняет модернизацию экономики и дальнейшее национально-государственное строительство. Гипотетическая «евроинтегрция», как и дальнейшая интеграция в мир ислама, оказались утопиями. В итоге бошняки как общность оказываются на распутье, и выбор модели будущего для каждого из них пока представляется сугубо индивидуальным – будь то выбор по примеру боснийского политика Бакира Изетбеговича (твердое намерение продолжать дело своего отца по реализации «боснийского проекта»), режиссера Эмира Кустурицы (возвращение к православию и сербской идентичности), экс-политика Мухаммеда Филипповича (обращение к наследию и опыту бывшей единой Югославии) или футбольной звезды Златана Ибрагимовича (превращение в «гражданина мира»). Возможно ли найти приемлемый для большинства бошняков выход из «боснийского паззла» в рамках постюгославского геополитического формата – до сих пор остается вопросом – ибо эффективного противовеса деструктивным и манипулятивным этнополитиче-

24) Лейпхарт А. Многосоставные общества и демократические режимы // Полис. – 1992. – №1-2. – С. 217-225.

25) Dahl R. A. Who governs? – New Heaven: Yale University Press, 1961.

ским технологиям, господствующим в эпоху Постмодерна, пока не найдено.

Литературы

- Dahl R. A. Who governs? – New Heaven: Yale University Press, 1961
- Democracy in Plural Societies. – New Heaven and London, 1977.
- Kuzio T. Western Multicultural Theory and Practice and its Applicability to the Post-Soviet. States // Journal of Contemporary European Studies. – 2005. -N 13(2).
- Kymlicka M. Multicultural Citizenship. – Oxford: Oxford University Press, 1995.
- Lijphart A. The Politics of Accommodation Pluralism and Democracy in the Netherlands. – Berkeley, 1975;
- Lijphart Turnbull S. The Ottoman Empire 1326—1699, Essential histories, vol. 62, 2003.
- Schnekenner U. Making Power-Sharing work: Lessons from successes and failures in ethnic conflict regulation. Journal of Peace Research. – 2002. -N 39(2).
- Birken A. Die Provinzen des Osmanischen Reiches. – Wiesbaden, 1976. – S.20. Djilas M., Gaće N. Adil Zulfikarpašić: eine politische Biographie aus dem heutigen Bosnien. – Muenchen, 1996.
- Glotz P. Der Irrweg des Nationalstaats: europäische Reden an ein deutsches Publikum. – Stuttgart: Deutsche Verlags Anstalt, 1990.
- Kaldor M. Neue und alte Kriege. Organisierte Gewalt im Zeitalter der Globalisierung. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2000.
- Nasr Hamid Abu Zaid: Islam und Politik. Kritik des religiösen Diskurses. – Darmstadt, 1996.
- Izetbegović A. Die Islamische Ordnung. Aus dem politischen Programm des bosnischen Präsidenten. – Berlin, 1993.
- Naumann F. Mitteleuropa. – Berlin, 1915.
- Дулина Н.А. Танзимат и Мустафа Решид-паша.-М.: Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1984.
- Кара-Мурза С. Крах утопии // Завтра. – 1999. – 27 апреля.
- Кассирер Э. Техника политических мифов // Октябрь. – 1993. – № 7.
- Коштуница В. Сербь и Запад <http://www.pravoslavie.ru/analit/sobytia/kostunicaserbswest.htm>.
- Лейпхарт А. Многосоставные общества и демократические режимы // Полис. – 1992. – №1-2.
- Мяло К. Россия в последних войнах XX века.

- Неклеса А. И. Новый Север и Глубокий Юг.– М.: Гуманитарий, 2004.
- Эксклюзивное интервью Радована Караджича: <http://www.srpska.ru/article.php?nid=13218>
- Izetbegovic A. Islamska Deklaracija. – Sarajevo, 1990.

Sergey Birukov

Alexander Davidov

«BOSNIAN» PROJECT: THE BIRTH OF NATION FROM THE SPIRIT OF WAR

Resume

The article examines the contents and the essence of the «Bosnian» project which is connected today with specific technologies of «ethnicity politicization». The author analyses the conflict potential of project and the strategies used for his implementation. The authors show, that the combining ethnic and religious factors makes possible the formation of ideologies and doctrines that justify the creation of ethnocratic states.

Keywords: «Bosnian project», Balkan region, politicization of ethnicity, ethnocracy, ethnopolitical technologies.

Овај рад је примљен 5. фебруара 2014. а прихваћен за штампу на састанку Редакције 13. марта 2014. године.